88 02/161

Издательство „ВОЛЯ“.

Марія Евгеньева.

Новгородское вѣче

Изъ исторіи русскаго народоправства.

Москва,
Большая Дмитровка, 26.

Марія Евгеньева.

88 ie 161

Новгородское вѣче

Изъ исторіи русскаго народоправства.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВОЛЯ“
Москва, Б. Дмитровка, д. 26.

МОСКВА.
Типографія Акц. О-ва «Московское Издательство», Петровка, 26.
1917.

16185
1/XI 1923

Городъ воли дикой,
Городъ буйныхъ силъ,"—

поетъ о Великомъ Новгородѣ одна очень распространенная, но исторически невѣрная пѣсня.

Очевидно, авторъ былъ мало закомъ съ литературой о Великомъ Новгородѣ и судилъ о новгородской вольности съ точки зрѣнія неученаго человѣка.

Дѣйствительно, до сихъ поръ принято представлять себѣ древній Новгородъ какъ высочайшую вершину русской вольности, гдѣ царили тѣ идеалы, которые черезъ много вѣковъ воодушевляли дѣятелей французской революціи, — свобода, братство и равенство.

А между тѣмъ Новгородъ вовсе не былъ дикой вольницей равноправныхъ людей, гдѣ каждый дѣлалъ, что хотѣлъ. Здѣсь люди дѣлились на классы, и нигдѣ мы не видимъ такой борьбы между сословіями, какъ въ Новгородѣ и Псковѣ.

Странной особенностью новгородскаго строя было и то, что новгородцы, имѣя народоправство, не могли обходиться безъ князя. Впослѣдствіи, впрочемъ, это было уступкой завоевателямъ, — Кіеву, а потомъ Москвѣ.

Но вначалѣ новгородцы сами призвали князей. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ лѣтопись:

„Славяне и чудь платили дань варягамъ заморскимъ, какъ и кривичи, поляне и сѣверяне, „по бѣлой векшицѣ съ дыму", то-есть по бѣлкѣ съ каждаго дома. Но „въ лѣто 6370" всѣ эти племена объединились и прогнали варяговъ за море, не заплативъ имъ дани. Они начали сами править и строить города, Но не было у нихъ правды, среди нихъ начались междоусобныя войны („И не бѣ въ нихъ правды, возсташа, и бысть промежду ихъ брань междоусобная". *Первая псковская лѣтопись*).

Тогда славяне и чудь послали пословъ за море къ варягамъ, къ племени Русь и сказали имъ: „Вся земля наша добра, а наряда въ ней нѣтъ. Пойдите, княжите и владѣйте нами и судите право".

Варяжское племя Русь избрало,—какъ говоритъ лѣтопись трехъ братьевъ-князей *отъ Нѣмецъ*, Рюрика, Синеуса и Трувора.

Рюрикъ поселился въ Новгородѣ, Синеусъ въ Бѣлоозерѣ, Труворъ въ Словенскѣ.

Есть что-то трагическое въ этомъ призваніи славянъ. Сознавая полную свою неспособность управлять страною и „судить право", они отдаютъ себя во власть нѣмецкихъ князей, которые, очевидно, и въ тѣ времена умѣли „судить право" и создали извѣстный политическій и юридическій кодексъ.

Во всякомъ случаѣ, псковская лѣтопись прямо называетъ варяжское племя Русь—нѣмцами.

О томъ, какъ создалась новгородская вольность, лѣтопись не даетъ понятія, и поэтому наши историки, какъ Соловьевъ, Костомаровъ, Ключевскій, Бѣляевъ и Платоновъ, рѣшаютъ этотъ вопросъ на основаніи предположеній.

Въ глубокой древности извѣстны три славянскія вольныя городскія общины, Новогородъ, Псковъ и Вятка.

Теперь эти города не имѣютъ никакого политическаго и торговаго значенія.

Они погружены въ тихій, непробудный сонъ, и грустно бывать въ этихъ мѣстахъ, гдѣ когда-то ключомъ кипѣла жизнь... Странно вспоминать, что Новгородъ былъ центромъ русской торговли...

Итакъ, никто въ точности не выяснилъ, какъ и когда создали свои вольницы загадочныя славянскія племена, происхожденіе которыхъ также не доказано вполнѣ ясно. Думаютъ, что это были прикарпатскіе славяне, вытѣсненные итальянскими племенами. Еще Геродотъ разсказываетъ о скиѳахъ, жившихъ на сѣверѣ, и, по всей вѣроятности, онъ называетъ такъ славянъ.

Часть этихъ славянъ ушла на сѣверъ и здѣсь нашла у истоковъ рѣки Ильменя финскія племена, чудь, каре-

ловъ и кривичей.... Какъ они жили, неизвѣстно. Но лѣтопись разсказываетъ, что чудь и карелы въ Новгородѣ и Псковѣ пользовались правомъ голоса. И въ началѣ, какъ видно изъ лѣтописей, туземцы и пришлыя племена дѣйствовали въ полномъ согласіи, вмѣстѣ платили дань, вмѣстѣ возстали на варяговъ, вмѣстѣ призвали нѣмецкихъ князей и вмѣстѣ же потомъ воевали съ нѣмцами, о нашествіяхъ которыхъ на Новгородъ и Псковъ неоднократно разсказываетъ лѣтопись.

Вначалѣ пришельцы, вѣроятно, построили здѣсь нѣсколько поселковъ, помимо завоеванныхъ, разселившись по берегамъ Волхова. Лѣтописецъ говоритъ, что они, изгнавъ варяговъ, начали строить города. Очевидно, всѣ эти племена не были чужды культуры. Изъ выстроенныхъ городовъ извѣстны Псковъ, Вятка и Полоцкъ. Думаютъ, что въ полоцкихъ земляхъ жили пруссы, а также литовцы, которымъ исторія приписываетъ индусское происхожденіе. Литовскій языкъ очень похожъ на санскритскій языкъ книги Ведъ. Бенгальское племя литтовъ, по преданію, ушло на сѣверъ отъ религіозныхъ преслѣдованій въ первыя времена буддизма.

Литовская и славянская религіи носятъ слѣды греческаго и индусскаго происхожденія.

Богъ земли, Земенникъ у литовцевъ и славянъ былъ извѣстенъ. Индусскій богъ огня Значь, богъ грома Перунъ такъ же и у славянъ назывался. Славянскій Хорсъ, богъ солнца, у литовцевъ назывался Коро-Сомъ. Какъ извѣстно, это божество имѣло много общаго съ Аполлономъ.

Рядомъ съ литовцами въ полоцкихъ земляхъ жило неукротимое племя ятвяговъ, съ которыми славянамъ пришлось много бороться.

Объ устройствѣ литовскихъ и ятвягскихъ племенъ въ древности не сохранилось никакихъ свѣдѣній, и поэтому трудно рѣшить, кто на кого вліялъ въ смыслѣ политическомъ и культурномъ,—славяне на туземцевъ или полочане на славянъ. Хотя у литовцевъ не было до позднѣйшаго времени никакой азбуки, и лишь впослѣдствіи они взяли у поляковъ латинскія буквы, но языкъ ихъ богатъ и разно-

образенъ и на немъ можно выразить отвлеченныя понятія, а это доказываетъ ихъ сравнительную культурность.

Итакъ, единственнымъ источникомъ о древнемъ господинѣ Великомъ Новгородѣ являются новгородскія и псковскія лѣтописи, и каждый источникъ долженъ неизбѣжно обращаться къ этому источнику, да еще къ народнымъ пѣснямъ.

Въ началѣ XVI вѣка въ Россію пріѣхалъ баронъ Герберштейнъ, нѣмецъ, который слышалъ въ Москвѣ много разсказовъ о жизни вольнаго Новгорода, въ ту эпоху уже подвластнаго Москвѣ. Герберштейнъ записалъ всѣ эти разсказы, и его записки также являются цѣннымъ историческимъ памятникомъ.

Хотя въ Кіевѣ также существовало, на-ряду съ княжеской властью, народное вѣче, но народоправство здѣсь не дошло до такого вольнаго развитія, какъ въ Новгородѣ.

Въ Кіевѣ вѣче служило князю.

А въ Новгородѣ вѣче вело постоянную борьбу съ княжеской властью. Князь былъ необходимъ новгородцамъ какъ централизація власти, но они требовали, чтобы онъ служилъ народу, а не народъ ему.

На этой почвѣ возникали безконечныя смуты. Лѣтописи полны разсказовъ о такихъ раздорахъ вѣча съ центральной властью, доходившихъ до кровопролитія.

Насколько даютъ возможность судить записки барона Герберштейна, а также лѣтописи, Новгородъ дѣлился на пятины, то-есть на пять городскихъ общинъ или волостей. Каждая пятина имѣла автономію, то-есть самоуправленіе, и свое вѣче.

Точно такъ же были устроены Псковъ, Вятка и новгородскія колоніи въ Полоцкѣ.

Псковъ былъ вначалѣ пригородомъ Новгорода и только въ 1347 году получилъ независимость и сталъ называться младшимъ братомъ Новгорода. Новгородцы отозвали изъ Пскова своего посадника и псковичи избрали своего, такъ же, какъ и судей. До 1347 г. они ѣздили судиться въ Новгородъ.

Князь былъ верховной властью; кромѣ князя существовали еще избранники народа, высшіе городскіе чины, которыхъ Герберштейнъ называетъ бургграфомъ и герцогомъ.

Бургграфъ,—посадникъ, управлялъ городомъ, и въ его рукахъ была сосредоточена гражданская власть.

Герцогъ,—тысяцкій, командовать войсками и велъ ихъ въ походы.

Оба они избирались народомъ и правили неопредѣленное время. Срокъ полномочій считался годовымъ, но нѣкоторыхъ посадниковъ новгородцы прогоняли раньше, какъ и тысяцкихъ, а иныхъ терпѣли по нѣсколько лѣтъ.

Главнѣйшей особенностью Новгорода являлась еще полная независимость церкви отъ государства.

Съ тѣхъ поръ, какъ Добрыня Никитичъ крестилъ новгородцевъ, здѣсь устроился архіепископскій дворъ. У архіепископа было свое войско, которое подчинялось только ему. Безъ его согласія артиллерія церкви не могла помогать городскимъ властямъ въ случаѣ войны. Былъ еще у церкви свой судъ, свое управленіе.

Ни князь, ни посадникъ, ни тысяцкій не имѣли права судить духовныхъ или людей, жившихъ на церковныхъ земляхъ.

Къ такому устройству Новгородъ привыкъ исторически. Въ сѣдой языческой древности волхвы также не подчинялись княжеской власти. Они считались священными существами, къ которымъ относились съ суевѣрнымъ страхомъ и уваженіемъ.

Существуетъ древне-славянское преданіе о сыновьяхъ Яфета Скифѣ и Заръ-Данѣ, которые поселились на берегахъ Чернаго моря. Но ихъ потомки ссорились между собою, и часть ихъ ушла на сѣверъ. Они пришли къ прекрасному озеру, среди густыхъ, огромныхъ лѣсовъ.

Волхвы начали гадать, и боги велѣли имъ поселиться на этомъ мѣстѣ.

Волхвы передали эту волю боговъ предводителю князю Словену, отъ котораго и пошло славянское племя.

Онъ назвалъ озеро Ильмаромъ, по имени своей дочери, а рѣка, впадавшая въ Ильмаръ, получила названіе Волховъ,—такъ назывался старшій сынъ Словена.

Этого Волхова лѣтопись называетъ чародѣемъ, который обладалъ бѣсовской силой, умѣлъ преображаться въ звѣрей,

въ крокодила. Народъ называлъ его сыномъ Перуна, и Волхвъ умѣлъ прорицать. Когда онъ умеръ, могила его „просыпася съ нимъ купно во дно адово, идеже и донынѣ знакъ ямы тоя не наполнится".

Это суевѣрное уваженіе къ волхвамъ новгородцы перенесли и на смѣнившее ихъ православное духовенство.

Жители Новгорода и Пскова строго раздѣлялись на духовныхъ и мірскихъ.

Міряне, въ свою очередь, дѣлились на сословія; огнищане, то-есть помѣщики, придворные, гридьба и княжескіе бояре,—свита и тѣлохранители князя. Посадники, бояре, купцы, житые люди, дѣти посадничьи, дѣти боярскія, земцы, смерды и холопы.

Самыми важными людьми признавались землевладѣльцы, бояре.

Какъ и вездѣ, въ Новгородѣ лица, владѣвшія большими землями, образовали аристократію, отъ которой зависѣло земледѣльческое сословіе.

Бояре окружали князей, роднились съ ними путемъ браковъ и пріобрѣтали вліяніе на общественныя дѣла.

Однако, боярское званіе не было наслѣдственнымъ, и потомки бояръ-землевладѣльцевъ назывались просто боярскими дѣтьми.

Житые люди или уличане, это были городскіе мѣщане, а также мастеровые, рабочіе, ремесленники.

Житые люди и смерды, то-есть земледѣльцы, составляли планъ „черныхъ людей", они были свободными и пользовались правомъ голоса.

Самымъ униженнымъ сословіемъ были холопы,—то-есть наслѣдственные рабы. Въ глубокой древности славяне обратили въ рабство нѣкоторыя племена.

Холопы не пользовались никакими правами. Они были на положеніи домашняго скота, какъ крѣпостные крестьяне. Судили ихъ господа, государственному суду они не подлежали по грамотѣ 1270 года и по договору съ польскимъ королемъ Казиміромъ.

Каждый свободный имѣлъ право покупать рабовъ, и ду-

ховные, и міряне, и „черные люди“ имѣли холоповъ—работниковъ.

Бывали случаи, что бѣдняки сами продавали себя въ рабство и давали владѣльцу „одерноватую грамоту“, то-есть полное отреченіе отъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Дѣти отъ браковъ холоповъ со свободными людьми считались свободными. Иногда родители продавали дѣтей въ рабство, чтобы выйти изъ какого-нибудь бѣдственнаго положенія. Очень часто рабами дѣлались несостоятельные должники.

То же самое мы видимъ въ древней Греціи, въ Аѳинахъ. Но Солонъ запретилъ продавать въ рабство аѳинянъ. Каждый аѳинскій гражданинъ былъ свободенъ.

Новгородско-вѣчевой укладъ не дошелъ до такого самосознанія и національной гордости. Въ Новгородѣ каждый могъ продать себя въ рабство. И существованіе „холопства“ ясно доказываетъ, что въ Новгородѣ не было полной свободы, хотя со времени введенія христіанства многіе бояре вначалѣ отпускали рабовъ на свободу передъ своей смертью.

Всѣ дѣла городскія и уличанскія рѣшались вѣчемъ. Подъ именемъ „вѣча“. Мы рисуемъ себѣ грандіозное и народное собраніе вродѣ аѳинскаго. Въ важныхъ случахъ собирались такія вѣча. Но лѣтописи называютъ „вѣчемъ“ каждую сходку и даже заговоры.

Такъ, вторая новогородская лѣтопись разсказываетъ, что въ 1169 году новогородцы начали „дѣяти тайныя вѣча“ противъ своего князя, собираясь по дворамъ.

Чернь безъ конца составляла, „вѣча“ то противъ князя, то противъ посадника, то замышляли прогнать духовныхъ лицъ, неугодныхъ народу.

Одни холопы не имѣли вѣча. Въ этомъ отношеніи примѣръ даетъ древній Римъ. У римскихъ рабовъ были свои клубы, цехи и собранія, гдѣ они обсуждали свое положеніе. Несмотря на безправное положеніе, они имѣли свою организацію.

Особенность новогородскаго вѣча заключалась еще въ томъ, что его могъ созвать всякій, кто хотѣлъ говорить

передъ народомъ. Князь, посадники и тысяцкіе собирали вѣче точно такъ, какъ и любой „житый человѣкъ“ могъ его собрать.

Вѣче могло выбрать князя, могло изгнать его. Оно же выбирало посадниковъ, тысяцкихъ, тіуновъ (судей), сотскихъ, вообще всѣхъ чиновниковъ, а также владыкъ духовныхъ, то-есть архіепископа, архимандритовъ. Оно же рѣшало вопросы войны и мира, издавало законы, строило общественныя зданія и церкви. Чудь, корелы, плесковичи (псковичи), ладожане—всѣ имѣли право голоса, а въ Полоцкѣ—литовцы и потомки древнихъ пруссовъ. Вообще новгородское вѣче поражаетъ широкой національной терпимостью.

Каждый свободный человѣкъ, жившій на земляхъ Новгородскихъ, будь то инородецъ, имѣлъ право голоса.

Вѣче собиралось по звону колокола на площади, гдѣ была устроена на особомъ возвышеніи трибуна. Съ этой трибуны ораторы произносили свои рѣчи. Дѣло рѣшалось безъ голосованія, просто общимъ постановленіемъ.

Недалеко отъ трибуны возвышалась вѣчевая башня, гдѣ жилъ вѣчевой дьякъ,—секретарь, записывавшій приговоры и управлявшій вѣчевой избой, то-есть канцеляріей народнаго собранія.

Къ вѣчевой грамотѣ (приговору) прикладывалась печать.

Вообще новгородское вѣче имѣетъ много общаго съ аѳинскимъ народнымъ собраніемъ и по внѣшности, и по внутреннему строю.

Напримѣръ, въ Новгородѣ существовалъ совѣтъ старыхъ посадниковъ, нѣчто вродѣ совѣта „бывшихъ архонтовъ“. Бывшіе (старые) посадники пользовались огромнымъ уваженіемъ, даже тогда, когда само вѣче отрѣшало ихъ отъ должностей („Прогоняло“, по выраженію лѣтописи).

Въ Новгородѣ вѣчевой колоколъ висѣлъ во дворѣ Ярослава. Иногда вѣче собиралось въ божницѣ Софійскаго двора, и тогда народъ собирался по звону большого колокола въ Софійскомъ соборѣ. А въ Псковѣ колоколъ висѣлъ на башнѣ у храма Святой Троицы, и народъ собирался въ Крому близъ Дѣтинца.

Въ случаѣ неправильнаго рѣшенія суда обиженный

могъ апелировать къ вѣчу, совершенно какъ въ древнихъ Аѳинахъ, гдѣ неправильно осужденный могъ апелировать къ геліэѣ, то-есть совѣту пятисотъ гражданъ. Если онъ и рѣшеніемъ геліэй былъ недоволенъ, то у него оставался еще высшій судъ,—народное собраніе.

Новгородское вѣче и суды не допускали адвокатовъ. Каждый обязанъ былъ самъ выступать челобитчикомъ по своему дѣлу. Ходатайствовать можно было лишь за женщину, ребенка, глухого и старика.

Тѣлеснаго наказанія и пытокъ въ свободномъ Новгородѣ не существовало. Они появились только тогда, когда Москва подчинила себѣ Новгородскую вольницу и посадила своего намѣстника рядомъ съ княземъ и посадникомъ. Но казни существовали съ согласія народнаго собранія. Обычаи Новгорода въ этомъ отношеніи напоминаютъ Туркестанъ при ханскомъ устройствѣ. До сихъ поръ въ Бухарѣ и Хивѣ участь обвиняемаго въ серьезныхъ преступленіяхъ зависитъ отъ истца. Напримѣръ, въ случаѣ убійства родственники убитаго имѣютъ право потребовать казни убитаго или же просто ограничиться денежнымъ взысканіемъ. Въ Новгородѣ точно такъ же истцу отдавали подсудимаго въ полную власть. Истецъ созывалъ вѣче, которое назначало казнь. Большею частью топили въ Волховѣ.

Судъ надъ преступниками и право казни все-же принадлежали только господину Великому Новгороду.

Великій Новгородъ могъ помиловать, могъ казнить, могъ сослать. Воровъ обыкновенно вѣшали. Лѣтописцы говорятъ, впрочемъ, что преступники не встрѣчали сочувствія. Къ нимъ относились безпощадно. Это свойство массы, общее всѣмъ народамъ. Масса жестока, она не знаетъ жалости, и самый ужасный и неправый судъ, какъ это ни странно, это народный судъ, болѣе похожій на мятежъ, на собраніе убійцъ, чѣмъ на судъ. Мы это явленіе наблюдаемъ теперь на самосудахъ. Масса лишена чувства справедливости и безпристрастія, она не способна спокойно обсудить вопросъ. Вотъ почему и аѳинское народное собраніе, и вѣчевой укладъ не могутъ быть признаны идеалами народоправства. Масса поддается экстазу, постороннему вліянію, она поста-

новляетъ рѣшенія поспѣшно, а потомъ сама недовольна и опять бунтуетъ. Такъ бывало въ Аѳинахъ, въ Спартѣ, въ Новгородѣ. Выбравъ архонта или посадника, члены народнаго собранія черезъ мѣсяцъ начинали бунтовать, требуя смѣны того, кого сами же выбрали.

Существовала еще одна казнь, напоминающая судъ Линча, это—„отдача на потокъ".

Обсудивъ чью-нибудь вину на вѣчевомъ собраніи, толпа бросалась въ домъ осужденнаго, грабила его добро, зажигала его домъ, убивала виновнаго, а его родъ изгоняла, отобравъ въ пользу города все ихъ имущество.

Этой казни подвергались обыкновенно знатные бояре или сановники, обижавшіе народъ. Конечно, не всегда и здѣсь дѣла безпристрастно рѣшались. Лѣтописи разсказываютъ о „ябедникахъ", которые подстрекали народъ противъ богатыхъ людей съ цѣлью поживиться при грабежѣ. Люди вообще мало склонны къ безпристрастію и справедливости, и каждый человѣкъ, знающій психологію массы, легко можетъ возмутить ее и поднять ея коллективную руку на кого угодно.

Иногда казнь замѣняли, по просьбѣ подсудимаго и уважаемыхъ городомъ людей, постриженіемъ или заключеніемъ въ монастырѣ.

Но такіе случаи состраданія очень рѣдки. Лѣтописи отмѣчаютъ впечатлительность новгородцевъ, которая заглушала всякую жалость. Народъ дѣйствовалъ по впечатлѣнію. Такъ, новгородская лѣтопись разсказываетъ про боярина Якуна. Онъ былъ отданъ „на потокъ" и сброшенъ съ моста, но случайно спасся.

Черезъ нѣсколько лѣтъ тотъ же господинъ Великій Новгородъ, который сжегъ его домъ и разграбилъ его имущество, выбралъ его своимъ посадникомъ,—бургграфомъ!..

Это яркая характеристика толпы и ея рѣшеній.

Въ 1228 году, во время татарскаго нашествія на Россію новгородцы отдали „на потокъ" архіепископа Антонія, обвинивъ его въ колдовствѣ. Правда, его не убили, а просто выгнали изъ города.

Какъ вездѣ, новгородская толпа подчинялась внуше-

ніямъ. Одно остроумное слово, дикій призывъ или просьба о пощадѣ, умѣло и ловко выраженная, приносили желаемый результатъ.

„На потокъ“ отдавали еще лицъ, уличенныхъ въ государственныхъ преступленіяхъ,—напримѣръ, въ измѣнѣ, въ сношеніяхъ съ внутренними и внѣшними врагами Великаго Новгорода.

Внѣшними врагами были нѣмцы, неоднократно безпокоившіе Новгородъ своими набѣгами.

А внутренними врагами народа считались.... имъ же самимъ призванные князья...

Въ самомъ дѣлѣ, вся исторія Великаго Новгорода представляетъ вѣчную борьбу народнаго собранія съ князьями.

Вѣче призывало и выбирало князя.

Но человѣкъ ужъ такъ устроенъ, что онъ всегда недоволенъ, особенно если знаетъ, что можетъ дѣлать все что хочетъ.

Одинъ какой-нибудь недовольный княземъ или посадникомъ собиралъ вѣче, возбуждалъ толпу... И въ Новгородѣ поэтому всегда царили смуты. Народъ никогда твердо не знаетъ, чего хочетъ. Его надо вести. Поднять народныя массы можно противъ кого угодно, обладая извѣстной ловкостью.

Новгородское княженіе привлекало взоры многихъ князей. Одного выберетъ вѣче, другой завидуетъ и начинаетъ сѣять смуты съ помощью своихъ агентовъ. Вѣчныя волненія—характеристичная черта государствъ съ народнымъ правленіемъ.

Пробовали новгородцы управляться безъ князя, но тогда было еще хуже. Родъ на родъ возставалъ, богатые бояре стремились къ захвату власти.

„Іоакимовская лѣтопись“ утверждаетъ, что Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ были сыновьями славянской женщины Умилы, вышедшей замужъ за варяжско-нѣмецкаго князя. Умила была дочерью новгородскаго князя Гостомысла.

По смерти Синеуса и Трувора Рюрикъ завладѣлъ всей русской землей. Сынъ Рюрика, Олегъ, платилъ дань варягамъ (норманнамъ) ради того, чтобы норманны не трога-

ли Новгородъ. Затѣмъ Олегъ ушелъ въ Южную Русь, гдѣ царили Аскольдъ и Диръ, два боярина изъ свиты Рюрика, завоевавшіе полянъ и основавшіе на берегу Днѣпра городъ Кіевъ.

Олегъ убилъ Аскольда и Дира и поселился въ Кіевѣ. Своего сына (по другимъ извѣстіямъ племянника) Игоря Олегъ женилъ на псковской княжнѣ Ольгѣ.

По смерти Игоря Ольга правила государствомъ, и Новгородъ платилъ ей дань, слѣдовательно, признавалъ ея власть, сохраняя въ то же время федеративное устройство своихъ земель и колоній.

Затѣмъ въ 970 году новгородцы пріѣхали въ Кіевъ просить сына Ольги, храбраго витязя Святослава, на княженіе. У нихъ царили смуты и раздоры, одинъ другому не хотѣлъ уступать на вѣчѣ, посадники спорили изъ-за власти съ тысяцкими, чиновниковъ и сановниковъ народъ смѣнялъ безъ конца. Но смѣлый и гордый Святославъ мечталъ о покореніи Византіи, о лазурномъ морѣ, о теплыхъ берегахъ Босфора и не пошелъ въ дикій, суровый Новгородъ Не пошли также его старшіе сыновья, Олегъ и Ярополкъ и только третій сынъ, незаконный, рожденный отъ красивой рабыни Малуши, согласился быть новгородскимъ княземъ, не ожидая ничего лучшаго благодаря своему происхожденію.

Но по смерти Святослава Ярополкъ убилъ Олега, потомъ послалъ людей въ Новгородъ убить Владимира. Мысль объ единодержавіи рано зародилась въ Рюриковичахъ. Но Владимиръ убѣжалъ къ шведамъ, привелъ ихъ войска на Кіевъ, побѣдилъ Ярополка и завладѣлъ великимъ княженіемъ въ Кіевѣ, управлялъ съ помощью шведскихъ дружинъ, которымъ заплатилъ за побѣду по 2 гривны съ каждаго жителя. Новгородъ былъ только вотчиной кіевскаго князя Рюриковича.

Владимиръ принялъ крещеніе и крестилъ Новгородъ.

Новгородцы подчинились силѣ оружія. Въ Новгородѣ поселились православные епископы и священники, имѣвшіе для охраны своей и для распространенія вѣры большія дружины, такъ-называемыя „владычныя войска“. Съ тѣхъ

поръ укоренился обычай, заимствованный въ Римѣ, чтобы архіепископъ имѣлъ свою армію.

Но старая вѣра продолжала существовать. Новгородцы сооружали въ дремучихъ лѣсахъ новыя капища вмѣсто разрушенныхъ владычными войсками, ставили идоловъ и по ночамъ собирались на радѣнія, которыя православные священники называли бѣсовскими. Всѣ старые боги были признаны „бѣсами". Кто продолжалъ имъ молиться, тотъ былъ въ прямомъ общеніи съ бѣсами. Такихъ поклонниковъ старой вѣры убивали и топили. Дядя Владимира, освобожденный отъ рабства и занявшій почетное положеніе, пріѣхалъ усмирять новгородцевъ, которые встрѣтили его съ оружіемъ въ рукахъ, но Добрыня зажегъ новгородскія предмѣстья со всѣхъ сторонъ и въ суматохѣ овладѣлъ городомъ. Началось второе крещеніе. Это положило начало неправильнымъ отношеніямъ между народомъ и архіепископомъ и вообще представителями духовенства.

Новгородъ, сохраняя свое самоуправленіе, продолжалъ платить дань Кіеву, около 3000 гривенъ въ годъ, когда кіевскіе князья воевали, они набирали войска въ Новгородѣ. Князь держалъ въ Новгородѣ своихъ посадниковъ рядомъ съ посадниками народнаго вѣча. Такимъ образомъ, въ Новгородѣ царило двоевластіе и даже троевластіе: съ одной стороны, князь и его посадники, съ другой—новгородскіе посадники, съ третьей—народное собраніе.

Владиміръ прислалъ въ Новгородъ своего сына князя Ярослава. Новгородцы очень полюбили молодого князя, очень либеральнаго для своего времени. Князь Ярославъ сочувствовалъ новгородской вольности. Ему стало обидно, что Кіевъ обращается съ Новгородомъ какъ съ вассальной, подчиненной землей и требуетъ дани.

Ярославъ пересталъ платить Владиміру дань и объявилъ Новгородъ независимымъ удѣльнымъ княжествомъ.

Это былъ крупный переворотъ, и замѣчательно, что онъ былъ произведенъ не вѣчемъ, а княземъ, не снизу, а сверху Народное собраніе покорно платило дань, давало солдатъ кіевскому князю, терпѣло власть его посадниковъ. У него не было смѣлости возстать и заступиться за свои самобытныя

права. Масса, при всей ея дикости, безвольна и покорна. Но вотъ появился отважный, умный и дерзкій князь, воспитанный въ идеѣ власти. Что въ немъ говорило, когда онъ защищалъ вольность Новгорода? Конечно, личное самолюбіе, нежеланіе подчиняться хотя бы и родному отцу. Въ то же время Ярославъ отказался платить дань и варягамъ. Варяжскіе сборщики дани были изрублены новгородцами, которые пылко восприняли идеи своего князя.

По смерти отца Ярославъ пошелъ на Кіевъ войною и разбилъ брата своего Святополка.

Нѣсколько лѣтъ Новгородъ былъ главнымъ городомъ Русской земли, и Кіевъ платилъ дань „плотникамъ", какъ называли кіевляне новгородцевъ. Но въ 1018 году Святополкъ возвратился съ польскими войсками и одержалъ побѣду надъ Ярославомъ, которому пришлось бѣжать въ Новгородъ. Однако, новгородцы сильно любили князя своего и полюбили вольность. Они собрали огромную сильную армію, пожертвовали на вооруженіе почти все состояніе и при рѣкѣ Альтѣ одержали въ 1019 году славную побѣду. Ярославъ сдѣлался великимъ княземъ стольнаго града Кіева, а новгородцамъ, завоевавшимъ ему престолъ, даровалъ грамоту, которая признавала ихъ независимость. Это была знаменитая Ярославова правда.

Эта грамота возвратила Новгороду всѣ права, которыя онъ имѣлъ въ древности: самоуправленіе, самосудъ, автономное владѣніе землями.

Кромѣ того, грамота Ярослава навсегда освободила новгородцевъ отъ дани Кіеву.

Новгородцы чтили имя Ярослава, и мѣсто, гдѣ собиралось вѣче, стало называться Ярославовымъ дворомъ.

Но Ярославъ былъ все-таки плохимъ политикомъ. И въ наше время независимость маленькихъ государствъ зависитъ и отъ сильныхъ сосѣдей, и отъ ихъ мѣстоположенія.

У новгородцевъ въ ту эпоху захватнаго права силы были очень сильные сосѣди: на сѣверѣ норманны,—шведы на западѣ—литовцы и пруссы. Съ юга опасность кіевскаго порабощенія была устранена.

Но вскорѣ у Новгорода появилась новая опасность съ востока.

Это была Москва, увидѣвшая необходимость, во имя своего могущества, покорить и Литву, и варяговъ, и новгородскую вольность.

Какъ жили новгородцы вѣкъ послѣ полученія Ярославовой грамоты, неизвѣстно. Не сохранилось ни одной лѣтописи этого періода.

Думаютъ, что онъ сохранялъ свою форму федеративной республики. Однако, здѣсь жили кіевскіе посадники рядомъ съ княземъ, который избирался въ сосѣднихъ княжествахъ, Суздальскомъ, Тверскомъ.

Псковской колоніи Новгорода приходилось вести безпрерывную борьбу съ Ливонскимъ Орденомъ. Вслѣдствіе этого „Плесковъ“ былъ сильно укрѣпленъ и представлялъ какъ бы новгородскую крѣпость.

Псковъ, какъ и Новгородъ, имѣлъ князей, посадниковъ тысяцкихъ. Самоуправленіе здѣсь было очень развито.

Псковъ также дѣлился на концы, на улицы, пригороды и сельскія волости. Каждая улица, каждое село, каждый пригородъ, имѣли свое собственное административное устройство. Судиться можно было только у своихъ уличанскихъ судей. Торговыя и другія сдѣлки заключались исключительно въ уличанскихъ избахъ. Отчасти это напоминало современные участки въ Россіи, или, скорѣе, мэріи и комиссаріаты западныхъ странъ.

Тысяцкаго (начальника тысячи солдатъ) не было, военная сила дѣлилась на сотни, и сотскіе, избранные вѣчемъ, участвовали въ городскомъ совѣтѣ рядомъ со старыми посадниками.

Въ Плесковѣ не было рабовъ и холоповъ, и въ этомъ его отличительная особенность отъ Новгорода. Земледѣлецъ, не имѣвшій своей земли, могъ свободно переходить отъ одного владѣльца къ другому.

Независимымъ княжествомъ Псковъ сдѣлался въ 1132 году. Новгородцы изгнали князя Всеволода-Гавріила. Въ древности князья получали два имени,—одно языческое, другое христіанское.

Всеволодъ-Гавріилъ, сынъ князя Мстислава, изъ рода Мономаховичей, не ладилъ съ Ольговичами. Онъ завладѣлъ Переяславомъ и уѣхалъ княжить въ этомъ городѣ. Но князь Юрій Суздальскій выгналъ его изъ Переяслава. Тогда Всеволодъ возвратился въ Новгородъ, но его предали вѣчевому суду за то, что онъ покинулъ городъ, и изгнали. Всеволодъ ушелъ въ Псковъ, а новгородцы поставили княземъ Святослава Ольговича, князя Суздальскаго.

Новгородцы и псковичи раздѣлились и стали отдѣльными княжествами.

Но въ 1138 году новгородцы заточили своего князя въ монастырь и призвали князя Юрія Суздальскаго. Святославъ былъ изгнанъ, но черезъ мѣсяцъ Юрія обвинили въ самовластіи и опять послали за Святославомъ.

Такъ новгородцы изгоняли князя за княземъ, низвергали посадника за посадникомъ, и, правда, трудно всѣмъ угодить. Нѣмцы безъ конца ихъ безпокоили, Ливонскій Орденъ нападалъ на Псковъ, литовцы и шведы осаждали Новгородъ и полоцкія земли. Приходилось воевать, а внутри царили междоусобія.

Только во время княженія Мстислова Удалова новгородцы узнали покой. Они любили Мстислава, какъ предки ихъ Ярослава. „За тебя, князь, головы положимъ!“—кричали они. Такимъ образомъ, было ясно, что счастье новгородцевъ заключалось не въ самомъ вѣчѣ, а лишь зависѣло отъ умнаго и храбраго правителя, уважавшаго вѣче и руководившаго его рѣшеніями.

Новгородцамъ просто нуженъ былъ диктаторъ, который держалъ бы въ повиновеніи бояръ и народъ, прислушиваясь въ то же время къ голосу народа.

Въ это самое время начали славиться своей храбростью новгородскіе ушкуйники-звѣроловы, доходившіе до Урала.

Къ востоку отъ Сѣверной Двины новгородцы собирали дань съ иногородцевъ, покоряя одну землю за другой.

Однако, въ Новгородѣ было неспокойно. Съ теченіемъ времени новгородцы развратились. Образовался особый классъ пролетаріевъ, которыхъ лѣтопись называетъ „худыми мужиками вѣчниками“.

Это были бѣдные ремесленники, опустившіеся люди, обѣднѣвшіе купцы и смерды, не желавшіе работать. Они вскорѣ поняли, какую пользу можно извлечь изъ царившаго въ Новгородѣ порядка вещей.

„Худые мужики-вѣчники“ начали служить разнымъ партіямъ, которыя ихъ покупали. Очень часто случалось, что князь собиралъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ по какому-нибудь вопросу, а его противники, подкупивъ „худыхъ вѣчниковъ“, собирали второе собраніе у святой Софіи въ этотъ же часъ и выносили совсѣмъ противоположное рѣшеніе.

Съ помощью самовластныхъ интригановъ „мужиковъ-вѣчниковъ“ можно было изгнать и князя, и посадника, выбрать другого, третьяго. „Худые мужики“ постоянно мутили населеніе, служа какой-нибудь партіи, или князю, или посаднику, или кандидатамъ на эти посты, и возбуждали одну часть жителей противъ другихъ, поддерживая недовольство въ народѣ.

Вотъ этотъ именно строй погубилъ новгородскую вольность когда одна часть „худыхъ вѣчниковъ“ поступила на службу къ князю московскому, а другая къ посадникамъ и Литвѣ.

Княжить въ Новгородѣ было дѣломъ далеко не легкимъ, а тутъ еще мужики-вѣчники. И безъ того князья въ Новгородѣ были сильно ограничены въ правахъ. Князь не могъ назначать или смѣщать чиновниковъ безъ согласія вѣчевого посадника. Онъ не могъ нарушать договоры съ иностранными державами, которые заключало исключительно вѣче. Князь не имѣлъ права заниматься въ Новгородѣ торговлей, чтобы съ помощью власти не отбивать хлѣбъ у новгородскихъ купцовъ; не имѣли на это права и его дружинники. Наконецъ, ни князь, ни его дружина не могли пріобрѣтать въ новгородскихъ владѣніяхъ земли. Князь не могъ судить кого-нибудь безъ посадника, а вѣче разбирало ихъ разногласія. Словомъ, князь чувствовалъ себя чужимъ, лишнимъ человѣкомъ, котораго сковывало вѣче и посадникъ. Исполнительная власть принадлежала только посаднику, представителю древнѣйшей новгородской аристократіи Посадника можно сравнить и съ архонтомъ, и съ сатрапомъ, потому

что онъ не получалъ жалованья, а пользовался „пораньемъ“, особыми доходами съ волостей, какъ и персидскіе сатрапы или римскіе намѣстники во времена императоровъ.

Новгородскій строй имѣетъ очень много общаго съ древнегреческими республиками и съ демократіями восточныхъ государствъ. Тысяцкіе, какъ и вожди древнихъ деспотій, также существовали на счетъ „чернаго народа“, который былъ имъ подвластенъ. Такимъ образомъ, новгородцы, въ сущности, были подчинены военной силѣ. Простой черный народъ судился у тысяцкаго и у сотскихъ, то-есть онъ подлежалъ суду военной власти, а не гражданской. Все это вносило сумбуръ въ систему управленія, и постоянно шли споры о томъ, кто кому подсуденъ. Свой судъ былъ и у архіепископа. Судъ былъ далеко не безпристрастный. Онъ зависѣлъ отъ личности. Могъ быть праведнымъ, могъ быть и шемякинымъ судомъ.

Татарское иго не отозвалось на Новгородѣ. Неприступные лѣса не привлекали татаръ. Новгородцы согласились платить хану дань, и дѣло обошлось мирно. Изъ золотой орды пріѣзжали „царскіе бажанки“, собирали дань и уѣзжали.

Въ это самое время началось развитіе города Москвы, бывшаго села Кучкова. Сюда ушли князья Суздальскіе, чтобы подальше быть отъ татаръ.

Младшій сынъ Александра Невскаго Даніилъ Александровичъ и его преемникъ Иванъ Даниловичъ Калита окончательно укрѣпили московскую власть. Новгородская и Псковская лѣтопись не находятъ словъ, достаточно лестныхъ для восхваленія Дмитрія Донского, внука собирателя русской земли. Онъ былъ „святого кореня“, цвѣтъ Володимера Рюриковича, крестившаго русскую землю. Жена его Авдотья Суздальская имѣла огромное вліяніе на государственныя дѣла и повліяла на мужа, чтобы изгнать невѣрныхъ татаръ. Умирая, Дмитрій Донской поручилъ женѣ русскую землю, а сыновьямъ строго наказалъ слушаться матери.

Еще при Иванѣ Калитѣ кіевскій митрополитъ переѣхалъ въ Москву. Новгородскіе владыки, избранные вѣчемъ, всегда утверждались въ Кіевѣ. Теперь ихъ стали утверждать въ Москвѣ. Новгородъ и духовно подчинился новой столицѣ.

И псковскія и новгородскія лѣтописи разсказываютъ о враждѣ Новгорода къ Твери. Тверитяне захватывали у новгородцевъ земли, за это Новгородъ помогъ Москвѣ разорить Тверь и присоединить ее къ владѣніямъ князя.

Нѣмцы имѣли въ Новгородѣ свои колоніи. Случалось, что ихъ избивали и народъ, и князья. Напримѣръ, князь Александръ избавилъ отъ нѣмцевъ Псковъ.

Однако, князь Александръ Невскій заповѣдалъ новгородцамъ и псковичамъ принимать каждаго, кто ни придетъ въ ихъ городъ, если они не хотятъ быть „второй жидовой", не дающей пріюта иноземцамъ.

Татарскіе ханы особенно покровительствовали московскимъ великимъ князьямъ, которые выхлопотали себѣ въ Золотой Ордѣ право считаться верховными новгородскими владыками.

Новгородцы были этимъ недовольны.

Они видѣли въ князѣ не владыку, а третейскаго судью въ случаѣ споровъ между посадниками и вѣчемъ, а также вождя всей новгородской арміи.

Князь „цѣловалъ крестъ господину Великому Новгороду", присягалъ сохранять его вольности и не нарушать правъ вѣча. Съ своей стороны и вѣче цѣловало крестъ князю.

Насильственно навязанная татарскимъ деспотизмомъ московская власть, конечно, не могла нравиться Новгороду. На городищѣ (въ палатахъ княжескихъ) поселились намѣстники московскихъ князей, брали судныя и торговыя пошлины, а также дары съ волостей мѣхами, медомъ, хлѣбомъ и деньгами.

Чтобы избавиться отъ русскихъ князей, новгородцы не разъ призывали къ себѣ литовскихъ, но Москва была сильнѣе, притомъ же ее поддерживали татары.

Новгородцы помогали Дмитрію Донскому въ борьбѣ съ татарами, они же помогали князьямъ покорить Суздаль и Тверь. Такимъ образомъ, они сами усилили московскую власть. Считая Димитрія Донского себѣ обязаннымъ, новгородцы перестали платить ему дань. Тогда князь пошелъ на Новгородъ войной и сталъ задерживать въ Торжкѣ

хлѣбные обозы, шедшіе въ Новгородъ. Это сдѣлалось обычной политикой московскихъ князей,—побѣждать Новгородъ голодомъ, изморомъ, не допуская хлѣбъ. Новгородцы противъ этого не могли бороться и сдавались.

Тѣмъ не менѣе, Псковская лѣтопись съ восторгомъ говоритъ о Дмитріи Донскомъ, называя его „святымъ сѣменемъ", „цвѣтомъ князя Володимера Рюриковича".

Москвѣ и Новгороду приходилось вести сильную борьбу съ Литвой. Литовскій князь Витовтъ стремился образовать литовско-русское государство. Когда Василій Дмитріевичъ, сынъ Донского, женился на гордой, властолюбивой Софьѣ Витовтовнѣ, Литва и Русь соединились, и Новгороду пришлось прибѣгнуть къ защитѣ польскаго короля Казимира, который выдалъ новгородцамъ грамоту, охранявшую ихъ вольность.

Но дни господина Вольнаго Великаго Новгорода были сочтены. Владѣнія его были огромны,—отъ Перми до двинскихъ береговъ разстилались они. Но порядка не было: къ междоусобіямъ князей, вѣча, посадниковъ и тысяцкихъ присоединились раздоры уличанскаго начальства съ кончанскими. Пять концовъ Новгорода—это что то вродѣ пяти полицей-мейстерскихъ управленій; уличане составляли какъ-бы участокъ.

А между тѣмъ, несмотря на могущество и богатство Новгорода, бѣдная Москва, имѣвшая вначалѣ 500 верстъ, расширялась и покоряла всю Русь. Галичъ, Суздаль, Кіевъ, Черниговъ, Ростовъ, Муромъ, Нижній,—всѣ объединились подъ властью сѣверной столицы. Сопротивленіе богатаго Новгорода не могло долго длиться.

Новгородцы погибали благодаря капиталистически-боярскому строю. Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣдніе годы вольности въ Новгородѣ власть перешла въ руки бояръ и богатыхъ купцовъ.

Купцы вздували цѣны на всѣ товары. Простой народъ бѣднѣлъ, потому что за сырье ему платили очень дешево, а продавали ему хлѣбъ дорого. Доходило до того, что бѣдные родители продавали своихъ дѣтей за количество хлѣба, достаточное для прокормленія остальной семьи въ теченіе зимы.

Вольные земледѣльцы, извѣстные въ древности въ одномъ Новгородѣ, также бѣднѣли и постепенно переходили въ холоповъ, теряя свои земли за долги. Иногда должники убѣгали въ лѣса, соединялись въ шайки и жили грабежами.

Новгородъ получалъ хлѣбъ изъ Великой Россіи до татарскаго нашествія, а послѣ татарщины изъ приволжскихъ областей и Владимира. Вывозили новгородцы ленъ, воскъ, коноплю, кожи и главное —рыбу. Садко, — богатый гость, въ извѣстной новгородской былинѣ,—нажился именно на рыбѣ.

Купеческія товарищества Новгорода напоминаютъ современные американскіе тресты. Одни купцы имѣли монополію на торговлю сукнами, другіе — съѣстными товарами, третьи—хлѣбомъ, четвертые—кожей. Такой строй способствовалъ развитію промышленности, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ было выше сказано, не боясь свободной конкуренціи, купцы часто взвинчивали цѣны на всѣ товары, и народъ вынужденъ былъ имъ платить.

Извѣстно Ивановское товарищество, торговавшее металлами и скотомъ. За свои товары купцы платили пошлины посаднику и князю. Интересно, что товары хранились въ церковныхъ подвалахъ, а торговыя книги въ церквяхъ. Торговыя сдѣлки совершались на церковныхъ дворахъ, здѣсь же на площадяхъ, близъ церквей, были базары. Послѣднее, впрочемъ, до сихъ поръ еще сохранилось въ провинціальныхъ городахъ Россіи и въ большихъ селахъ.

Такія же артели составляли ремесленники и промышленники,—напримѣръ, рыболовы, торговцы воскомъ, плотники. Думаютъ, что цеховое устройство новгородцы заимствовали у нѣмцевъ.

Торговля очень много терпѣла въ Новгородѣ отъ погромовъ. Въ случаѣ неладовъ съ купцами, чернь очень часто бросалась на торговые дворы и разоряла ихъ. Какъ только начинались войны съ Ливонскимъ Орденомъ, русскіе разоряли нѣмецкіе склады, а нѣмцы поступали точно такъ же съ русскими. Страдали купцы и отъ разбойниковъ. И каждую такую потерю они вознаграждали взвинчиваніемъ цѣнъ на всѣ продукты первой необходимости. Съ своей стороны

бояре все больше и больше закрѣпощали мелкихъ землевладѣльцевъ, пріобрѣтая огромныя помѣстья.

Простой народъ былъ недоволенъ и съ вожделѣніемъ смотрѣлъ на Москву, которая должна была, по его мнѣнію, обуздать бояръ и „гостей", то-есть купцовъ.

Новгородцы вели обширную торговлю съ вольными нѣмецкими городами Любекомъ, Бременомъ и Ганзою, а также съ ливонскими, — Ригою, Ревелемъ, Дерптомъ, Перновомъ. Ганза имѣла въ Новгородѣ богатыя конторы на основаніи договора новгородскаго вѣча съ Ганзейскимъ Союзомъ.

Вела она торговлю также съ Даніей, Швеціей и Норвегіей.

Вся русская торговля шла черезъ Новгородъ. Великій князь московскій пытался конкурировать съ Новгородомъ, но безуспѣшно. У Москвы сейчасъ же вышли нелады съ Ливоніей, гдѣ русскихъ купцовъ обвинили въ содомскомъ грѣхѣ и казнили. Іоаннъ III Васильевичъ за это объявилъ Ливонскому Ордену войну.

Пока надъ Москвой тяготѣли остатки татарскаго ига, Новгороду еще не угрожала такая сильная опасность. Новгородцы и псковичи выбирали по-прежнему князей, но великій князь московскій утверждалъ ихъ теперь. Утверждалъ онъ и архіепископовъ.

Но Москва управляла твердо. Великому князю не нравилась частыя смѣны князей и духовныхъ владыкъ, и онъ часто противился рѣшеніямъ вѣча. Онъ объявилъ Новгороду и Пскову, чтобы они сами князей не изгоняли, а жаловались бы сперва въ Москву.

Такимъ образомъ, вольный князь новгородскій, избранникъ вѣча народнаго, постепенно превращался въ поставленнаго московскимъ княземъ губернатора или командующаго войсками. Подъ конецъ, новгородцы познакомились и съ княжескимъ „veto" (запрещаю). Въ 1472 году псковичи поѣхали жаловаться на своего князя Ѳеодора Юрьевича. Они просили Ивана Стригу на княжескій столъ, но Москва не утвердила. Іоаннъ III назначилъ княземъ Ярослава Стригу.

Князь Ярославъ далъ понять псковичамъ, что его выбрало не вѣче, а назначилъ „самъ великій князь", помимо

народнаго собранія. На этомъ основаніи Ярославъ началъ управлять вполнѣ самовластно, открыто презирая волю народнаго собранія. Онъ ограбилъ Псковъ, а пріѣхавшаго къ нему съ поклономъ посадника раздѣлъ почти до-нага и выгналъ со свитой сотскихъ и надвойскихъ.

Московскіе князья уже наложили свою тяжелую руку, вооруженную плетью, на остатки древней вольности.

Но настоящее самовластіе началось въ Россіи тогда, когда Иванъ III по смерти первой жены, Марьи Борисовны, женился на греческой царевнѣ Софьѣ Палеологъ.

Эта царевна была дочерью Ѳомы Палеолога и герцогини Феррарской, племянницей (братаной) послѣдняго византійскаго императора Константина Палеолога, князя Аморрейскаго.

Итальянцы давно уже хозяйничали въ Византіи, и папы добились флорентинской уніи, то-есть соединенія византійской и римской церквей. Россія упорно не желала признать флорентинскую унію.

Послѣ паденія Византіи въ 1450 г., горько оплакиваемой русскими лѣтописями, Софью Палеологъ, оставшуюся сиротою, какъ и братьевъ ея, взялъ на воспитаніе папа римскій Павелъ II.

Софія была по воспитанію католичкой, и все ея существо тянулось къ католичеству, родной вѣрѣ ея матери, герцогини Ферарре. Но считалась она православной. Говорила Софья Палеологъ всегда по-итальянски.

Она была очень умная и властолюбивая дѣвушка, но красотой не отличалась. Особенно портила ее полнота, доходившая до уродливости.

Узнавъ, что у русскаго князя умерла жена, Павелъ II рѣшилъ, что лучшаго жениха Софьѣ Палеологъ не найти.

Папѣ нуженъ былъ сильный союзникъ для борьбы съ турками, и онъ надѣялся, что Софьѣ удастся распространить на Россію флорентинскую унію.

Великому князю московскому было очень лестно жениться на византійской царевнѣ. Это придавало особый блескъ его имени. Съ этой минуты онъ могъ считаться

наслѣдникомъ византійскаго самодержавія Комненовъ и Палеологовъ.

Софья прибыла въ Россію въ сопровожденіи папскаго кардинала Антонія въ красной мантіи. Предъ кардиналомъ пажи несли на древкѣ католическое распятіе. Въ такомъ видѣ Софья проѣхала черезъ Новгородъ и Псковъ, гдѣ ее встрѣтили торжественно, хотя ужасались, что великій князь женится не на православной.

Гонцы поскакали въ Москву съ сообщеніемъ о поведеніи царской невѣсты.

Софья Палеологъ обѣщала новгородцамъ объ ихъ дѣлахъ „печаловатися вельми“ предъ великимъ княземъ, но католическое распятіе сильно охладило народъ.

Князь Иванъ III по настоянію митрополита Флавіана велѣлъ отнять у кардинала его распятіе, а самому ему наказали быть посмирнѣе.

Какъ только Иванъ III женился на Софьѣ Палеологъ, онъ присоединилъ къ гербу Рюрика гербъ Византіи,—двуглаваго орла,—и объявилъ себя наслѣдникомъ Византіи.

Софья внесла въ московскій дворъ то, чего ему не доставало: царственность. Великій князь сдѣлался высокомѣрнымъ; онъ велѣлъ, чтобы всѣ князья русскіе называли его государемъ, а Софью Палеологъ—государыней. Всѣ князья и бояре въ одинъ день превратились въ царскихъ холоповъ, смердовъ. Женившись на дочери „багрянородныхъ“ императоровъ, Иванъ III почувствовалъ себя багряноднымъ вѣнценосцемъ. Новгородскій князь превратился также въ княжескаго смерда, холопа, какъ и посадникъ, а всѣ участники вѣча—въ рабовъ московскаго самовластія.

Иванъ III послалъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ, которые грабили новгородскихъ купцовъ, и весь народъ прозвалъ московскаго князя Ивана III Грознымъ, еще задолго до появленія настоящаго Ивана Грознаго, его внука.

Софья Палеологъ возмущалась, что Иванъ III платитъ дань Золотой Ордѣ.

— Ты долженъ оставить моимъ дѣтямъ свободную Россію,—говорила она мужу.

Она заплакала отъ униженія, увидя въ первый разъ,

что князь на колѣняхъ выслушиваетъ ханскую „басму“,— указъ о дани, привезенный „баскаками“, то-есть послами.

— Мои братья погибли, потому что не хотѣли унижаться передъ турками,—сказала она.

Но боярская дума не желала войны съ „царемъ“, какъ называли русскіе хановъ.

Однако, при Софьѣ Палеологъ боярская дума потеряла всякое значеніе.

— Князь всѣ дѣла рѣшаетъ въ постели самъ-третей съ царевной,—жаловались бояре.

Не нравились имъ и нововведенія Софьи. Она окружила себя итальянцами, и приближеннымъ къ ней лицомъ былъ скульторъ-архитекторъ Фіораванти, прозванный Праксителемъ. Въ Москвѣ появились итальянскія постройки и живопись.

Лѣтописецъ относится къ „Софьѣ-Римлянкѣ“ отрицательно. При ней въ Московскомъ царствѣ и при дворѣ пошли смуты и нелады, какъ въ Цареградѣ при Палеологахъ. Она любила интриговать. Отравила наслѣдника московскаго престола князя Ивана, своего пасынка, и *первая раздѣлила царя отъ бояръ и народа* стѣною византійскаго самодержавія. Гордая и высокомѣрная гречанка обидѣлась, когда къ ея дочери Еленѣ посватался маркграфъ Баденскій, племянникъ императора Фридриха.

— Мой мужъ—царь. Я не могу отдать дочь за маркграфа,—отвѣтила она.

И выдала Елену за литовскаго князя Александра, сдѣлавъ дочь очень несчастной, жертвой безконечныхъ интригъ.

Старшаго сына Софьи Василія Иванъ III назначилъ княземъ новгородскимъ. Конечно, Василій, воспитанный гордой матерью въ духѣ самаго крайняго восточнаго деспотизма, не могъ поладить съ новгородскимъ вольнолюбивымъ народомъ.

Къ тому же Софья не удовлетворялась такой долей для своего сына. Хотя она отравила пасынка, князя Ивана Ивановича, но у него былъ еще сынъ Дмитрій отъ жены, дочки Елены, дочери молдавскаго (румынскаго) господаря.

Елена молдавская составила при дворѣ сильную партію

знатныхъ бояръ, которые обижались на Софью за униженія и открытое къ нимъ презрѣніе.

Князья Ряполовскіе, Патрикѣевы, Палецкій-Хруль и Шевьинъ-Стравинъ при помощи дьяка Стромилова устроили бунтъ, въ которомъ приняли участіе и боярскія дѣти.

Эта партія хотѣла видѣть московскимъ царемъ сына Елены Молдавской, царевича Дмитрія, а не высокомѣрнаго Василія, рожденнаго отъ „Римлянки-Софьи".

Иванъ III, который сердился на жену за отравленіе старшаго сына и вѣнчалъ на царство его сына Дмитрія, послѣ бунта бояръ, заключилъ Елену Молдавскую и царевича Дмитрія въ тюрьму, а многихъ бояръ, дѣтей боярскихъ и Стромилова велѣлъ судить и казнить.

Татары были побѣждены. Боярство смирилось. Вся удѣльная Русь признала главенство московскаго государя. Оставалось еще смирить новгородскую вольность, которая не давала покоя Софьѣ Палеологъ. Ея сынъ Василій разсказалъ ей слишкомъ много о новгородскомъ вольнолюбіи.

И здѣсь самолюбіе и честолюбіе Софьи столкнулось съ честолюбивымъ патріотизмомъ другой женщины, посадницы Марѳы Борецкой.

Имена этихъ двухъ сильныхъ и властолюбивыхъ женщинъ тѣсно связаны съ исторіей паденія новгородской вольности.

Почти два вѣка московскіе князья боролись съ новгородскимъ вѣчемъ, постепенно подготовляя его паденіе.

Они захватывали новгородскія земли,—напримѣръ, Торжокъ,—постоянно требовали отъ Новгорода „чернаго бора", то-есть поголовной дани, которая разоряла жителей, присваивали себѣ пошлины и доходы. Московскія дружины, приходившія съ князьями и намѣстниками, разоряли новгородскія села, терроризируя жителей.

Уже отецъ Іоанна III Василій Темный уничтожилъ вѣчевую канцелярію. Постановленія свои вѣче скрѣпляло на словахъ, а грамоты, приговора, уже не существовало. Больно было Новгороду терпѣть такое отношеніе. Уничтожая дѣлопроизводство народнаго собранія, московскій князь этимъ

ясно показалъ, что приговоры вѣча не имѣютъ для него никакого значенія.

Суздальскіе князья, изгнанные Москвою, скитались по Руси, и господинъ Великій Новгородъ пріютилъ ихъ, съ тревогой и ненавистью ожидая отъ Москвы послѣдняго удара и новгородской вольности.

Наконецъ, ненависть къ Москвѣ дошла до того предѣла, который уже не позволялъ ее скрывать. Великій князь Иванъ III требовалъ денегъ, помощи, но на вѣче окончательно не посягалъ.

Духовнымъ владыкамъ новгородскимъ также не нравилась зависимость отъ Москвы, и они были не прочь подчиниться Литвѣ, гдѣ царила полная религіозная вѣротерпимость.

Во главѣ литовской партіи появилась вдова бывшаго посадника Исаака Борецкаго, знаменитая Марѳа Борецкая.

Она пламенно ненавидѣла Москву и московскаго князя. Ей казалось, что Новгородъ исторически связанъ съ Литвой. Половина колоній новгородскихъ была на литовскихъ земляхъ. Литовцевъ въ Новгородѣ было очень много, и не одна боярская семья вела свое происхожденіе отъ Литвы.

Боярская партія рѣшительно стояла за Литву, и съ нею весь народъ и „худые мужики-вѣчники“. Въ союзѣ съ Литвой новгородцы видѣли единственное средство сохранить свое народоправство, хотя болѣе разумные сознавали, что новгородской вольницѣ пришелъ конецъ, что Москву теперь не одолѣешь, ту самую Москву, которой Новгородъ помогъ освободиться отъ татаръ и покорить удѣльныя княжества.

О родѣ Борецкихъ не сохранилось точныхъ свѣдѣній. Но извѣстно, что посадники новгородскіе выбирались изъ очень знатныхъ и богатыхъ бояръ. Слѣдовательно, Борецкіе принадлежали къ видной новгородской олигархіи.

Марѳа Борецкая рѣшила во что бы то ни стало свергнуть московское иго при помощи „худыхъ мужиковъ-вѣчниковъ“, которые сдѣлались просто игрушками въ рукахъ боярско-литовской партіи.

Безъ Литвы или Москвы новгородцы существовать не могли, и они это прекрасно понимали.

Народное вѣче, созданное Маѳоой посадницей и ея сыновьями Ѳеодоромъ и Дмитріемъ, порѣшило изгнать московскаго намѣстника. Но и Москва не дремала. Князь имѣлъ въ Новгородѣ глаза и уши, преданныхъ людей, которые возмущали бѣдняковъ и мелкихъ землевладѣльцевъ противъ бояръ, желавшихъ предать Новгородъ въ руки не православной Литвы.

Однако, наружно Москва не проявляла своего раздраженія. Великій князь кротко терпѣлъ, хотя зналъ, что „худые мужики-вѣчники“ устраиваютъ частые бунты на Городищѣ, то-есть на великокняжескомъ дворѣ, гдѣ жили царскіе посадники.

Псковское вѣче отправило въ Москву пословъ. Новгородцы не пропустили псковичей, которые „цѣловали крестъ“ великому князю.

Но Іоаннъ III все еще не хотѣлъ открытой ссоры съ Новгородомъ. Онъ только черезъ боярина Ананьина велѣлъ передать новгородцамъ: „Держите имя моé честно и грозно а я васъ жаловать хочу“.

Но въ душѣ Іоаннъ по настоянію Софіи Палеологъ рѣшилъ сломить новгородскую непокорность мечомъ. Онъ послалъ пословъ просить помощи у Пскова. „Послужите мнѣ на Великій Новгородъ за мои старины“.

Въ Новгородѣ воцарилась паника, когда узнали, что московскій князь идетъ войною. Маѳа Борецкая, красивая, еще не старая женщина, какъ увѣряютъ лѣтописи, любила литовскаго пана Михаила Олельковича. Она мечтала выйти за него замужъ и сдѣлаться новгородской княгиней. Она отправила пословъ къ польскому королю Казимиру, и король вскорѣ прислалъ въ Новгородъ пана Олельковича со свитой.

Маѳа, какъ всѣ влюбленныя немолодыя женщины, была безразсудна. Она не умѣла оцѣнить по достоинству положеніе хотя много лѣтъ самовластно управляла Новгородомъ. Ей казалось, что она еще можетъ отстоять независимость родного города и создать союзъ новгородскаго государства съ польскимъ, совершенно отшатнувшись отъ Москвы.

Псковичи между тѣмъ предложили Новгороду свое по-

средничество, желая уладить отношенія „старшаго брата“ съ Москвой.

Это предложеніе вызвало въ Новгородѣ бурю негодованія со стороны партіи Борецкой. Новгородцы отвѣтили, что съ Москвою мира не можетъ быть. Они собрались на вѣче, и было единодушно рѣшено защищать свою вольность всѣми силами. Новгородскіе послы спѣшно отправились къ польско-литовскому королю съ заявленіемъ, что Новгородъ признаетъ себя подданнымъ Польши съ тѣмъ, чтобы король не посягалъ на русское православіе. Новгородцы потребовали, чтобы въ ихъ волостяхъ поляки не строили католическихъ храмовъ. Королю принадлежалъ по договору „черный боръ“, то-есть поголовная подать съ чернаго народа, которую до сихъ поръ собиралъ князь московскій, считая себя преемникомъ кіевскихъ князей.

Новгородцы также просили короля уладиться съ Москвою, чтобы князь Иванъ не шелъ на нихъ войною.

Душою новгородской политики была Марѳа Борецкая. Но въ Россіи не дремала честолюбивая Софья Палеологъ, которую раздражала непокорность этой русской „холопки“. Да и самъ князь вовсе не хотѣлъ лишиться богатѣйшей торговой области, которая давала ему доходовъ гораздо больше, чѣмъ вся остальная Россія.

Король Казимиръ согласился принести присягу всему Вольному Новгороду.

Михаилъ Олельковичъ, польско-литовскій намѣстникъ, поселился въ Новгородѣ рядомъ съ намѣстниками великаго князя.

Новгородскіе Василій Буслаевичи и Садко, богатые гости, раздѣлились на партіи. Одни хотѣли польскаго короля, другіе возражали, что стыдно поклониться королю неправославному, а преемника Рюриковичей обидѣть и отшатнуться отъ него. Вспоминали, что князь Симеонъ Ивановичъ въ 1340 году отнялъ богатый Торжокъ у Новгорода, что литовскій князь Нарибутъ правилъ лучше русскихъ князей, свято соблюдая всѣ пункты присяги. Наконецъ, не хотѣли новгородцы превратиться въ холоповъ „московскаго князя“, изъ „старѣйшихъ“ сдѣлаться младшими.

Вспомнили также, что литовскій князь Ольгердъ пощадилъ Новгородъ, придя на него войной, согласился покончить миромъ и увелъ войска.

Въ конечномъ выводѣ было рѣшено, что нѣтъ ничего тяжелѣе московской цѣпи, а литовцы гораздо терпимѣе.

Однако, противъ литовскаго владычества возстало православное владычество.

Владыки выбирались по жребію: во дворѣ св. Софіи, въ Дѣтинцахъ, на трапезу клали записки съ именами кандидатовъ и посылали брать жребій ребенка или слѣпца. Иногда вѣче выбирало владыку безъ жребія. Выбирали архіепископа не изъ архимандритовъ, а смотря по достоинству даже изъ іеродіаконовъ, и даже изъ простыхъ монаховъ.

Напримѣръ, архіепископы Арсеній, Алексѣй, Сампсонъ и Евфимій, извѣстные по лѣтописямъ, были выбраны вѣчемъ во владыки прямо изъ монаховъ. Іоаннъ II и Василій были вдовыми священниками.

Избранный монахъ утверждался кіевскимъ митрополитомъ, его посвящали въ іеромонахи, и тогда уже производилась хиротонія.

Избирали монаховъ не новгородскаго происхожденія.

Владыки зависѣли вначалѣ только отъ народной воли. Если народъ находилъ ихъ судъ и правленіе неправедными, то изгонялъ ихъ.

А управленіе ихъ было очень сложно. Ихъ суду и попеченію подлежали монахи, монахини, священники, ихъ жены и дѣти, церковные служители, слѣпые, хромые, калѣки всякаго рода, отпущенные на волю рабы и такъ-называемые изгои, то-есть люди, по рожденію принадлежавшіе къ болѣе или менѣе приличному обществу, но опустившіеся вслѣдствіе несчастій или условій воспитанія; къ изгоямъ причислялись князья, если не умѣли самостоятельно жить, или поповскіе сыновья, не знавшіе грамоты, купцы, потерявшіе состояніе.

Кромѣ этого страннаго класса людей, владыки имѣли исключительное право судить мужей и женъ, разбирать споры о наслѣдствахъ, и семейныя оскорбленія.

Къ нимъ на судъ приводили еще людей съ противоестественными пороками, растлителей, колдуновъ.

Такимъ образомъ, вліяніе владыки и вообще духовенства было огромно, тѣмъ болѣе, что ему принадлежалъ еще верховный надзоръ за торговлей. Новгородъ состоялъ подъ покровительствомъ Святой Софіи, а представителемъ ея былъ владыка.

Владыки часто заключали миръ съ непріятелемъ, принимали на себя посредничество въ конфликтахъ между Псковомъ и Новгородомъ или Москвою и Новгородомъ.

Политическія миссіи почти всегда возлагались на духовенство. И это не удивительно. Въ тѣ времена во всѣхъ странахъ Европы священники и монахи были единственно образованными людьми.

И вотъ теперь, во время раздора Іоанна III съ Новгородомъ, архіепископъ Іона, не любившій Марѳу Борецкую, воспротивился рѣшенію вѣча поступить въ подданство къ Литвѣ. Но вскорѣ Іона умеръ, и Марѳа Борецкая старалась провести своихъ кандидатовъ, особенно Пимена.

Однако, вѣчевое собраніе выбрало Ѳеофила, всѣмъ извѣстнаго сторонника московской партіи. Марѳа не смирилась, устроила бунтъ, заставила избрать Пимена. Но и московская партія не дремала. Пимена обвинили въ томъ, что онъ, будучи казначеемъ и ризничимъ, обворовалъ новгородскую казну. Его отдали „на потокъ“ и убили.

Ѳеофилъ остался владыкою и послалъ, по обычаю, челобитную въ Москву, Иванъ III „пожаловалъ Новгородъ“ и утвердилъ его духовнаго избранника.

Литовскіе паны не полюбились новгородцамъ. „Какъ-бы хуже не было“,—говорили одни. Духовенство стояло за Москву. Но всѣ,—и литовская, и московская партіи,—сознавали свою безпомощность, что самостоятельно жить не дадутъ, что кому-нибудь надо поклониться изъ сильныхъ сосѣдей—Москвѣ или Литвѣ.

А Іоаннъ III уже окончательно рѣшилъ итти на Великій Новгородъ. Онъ велѣлъ Пскову готовиться къ войнѣ.

Въ Новгородъ прибыли изъ Пскова послы и созвали вѣче.

Собраніе было необычайно бурнымъ.

Новгородцы отказались итти на-мировую съ княземъ.

— Не хотимъ князя московскаго! Мы люди вольные! Хотимъ Казимира, короля польскаго!—кричала Марѳа Борецкая, а за нею всѣ ея сторонники, бояре и „худые мужики-вѣчники“.

А московская партія не уступала:

— Не хотимъ короля латинскаго! Хотимъ православнаго князя московскаго!

„Худые мужики-вѣчники“ безпрерывно звонили въ колокола, какъ парижская якобинская партія 9 августа 1793 года. Весь Новгородъ сбѣжался на набатъ. Приверженцевъ Москвы провозгласили измѣнниками и побили камнями.

Послѣ этого Марѳа снова снарядила пословъ въ Польшу, прося у Казимира войска для войны съ Россіей.

Въ 1471 году великій князь отправилъ по всѣмъ городамъ „разметную граоту“, то-есть объявленіе войны Великому Вольному Новгороду.

Во главѣ арміи шелъ самъ князь московскій, съ нимъ были его братья Юрій, Андрей и Борисъ, татарскій царевичъ Даніилъ, воевода князь Холмскій, князь Оболенскій-Стрига, изъ младшей вѣтви Рюриковичей, бояринъ Давыдовичъ съ большимъ отрядомъ.

Князя сопровождалъ лѣтописецъ дьякъ Степанъ Бородатый, который записалъ „всѣ вины Новгородскія“, а также „всѣ ихъ измѣны дѣдамъ и прадѣдамъ великаго князя“.

Псковъ, Тверь и Вятка получили приказы выслать подмогу великому князю.

Всѣ русскіе города пошли на Новгородъ.

А польско-литовскій король не хотѣлъ воевать съ русскимъ княземъ, со всей Русью.

Онъ войска Марѳѣ не прислалъ, а приказалъ Олельковичу немедленно уйти изъ Новгорода. Казиміръ, очевидно, призналъ права Рюриковичей на новгородскую вотчину и не хотѣлъ спорить.

Новгородъ остался одинъ. Марѳа Борецкая тщетно призывала на помощь Великаго магистра Литовскаго Ордена. Но и Великій магистръ не захотѣлъ „розратья“, то-есть войны съ Русью.

Марѳа рѣшила побороться своими силами. Но ее и здѣсь ждалъ тяжелый ударъ.

Архіепископъ Ѳеофилъ не разрѣшилъ конницѣ, составлявшей владычные полки, поднять оружіе на братьевъ-православныхъ.

Но въ общественномъ управленіи Борецкіе были еще сильны. Бояре ихъ поддерживали. Во время войны посадникомъ былъ выбранъ Дмитрій Борецкій, а князь Василій Шуйскій-Гребенка, потомокъ Рюрика, командовалъ арміей.

Но князь Холмскій сжегъ Руссу и разбилъ новгородцевъ у Коростыни.

Когда псковичи увидѣли, что князь одолѣлъ, они испугались и 14 посадниковъ повели свою армію противъ Новгорода... „Младшій братъ“, которому Новгородъ далъ когда-то вольность, измѣнилъ! Василій Шуйскій, сынъ посадника псковскаго, двинулся къ Шелони.

Но Марѳа силою согнала рать. Кто не хотѣлъ воевать, того убивали, топили.

Согнала она сорокъ тысячъ „препростой рати“, изорниковъ, то-есть ремесленниковъ, и „худыхъ вѣчниковъ“, то-есть пролетаріевъ, вооруженныхъ чѣмъ попало.

Шелонская битва рѣшила участь Новгорода. Сынъ Марѳы посадницы Дмитрій попалъ въ плѣнъ къ князю Холмскому, 12.000 новгородцевъ погибли.

Марѳа отправила новое посольство въ Польшу, черезъ Ливонію, но Ливонскій орденъ не пропустилъ пословъ.

Разозленная Марѳа казнила русскаго намѣстника Упадыша. Иванъ III на это отвѣтилъ ей казнью Дмитрія Борецкаго, ея родного сына, который игралъ роль заложника.

Новгороду были поставлены жестокія условія: московскій князь объявилъ себя государемъ Новгорода, уничтожилъ новгородскій судъ и посадилъ своихъ тіуновъ, судей.

Онъ отказался „цѣловать крестъ“ Великому Новгороду.

— Не быть моему цѣлованью!—твердо отвѣтилъ онъ и ясно прибавилъ: — Государство наше таково! Вѣчу въ Новгородѣ не быть, посаднику не быть, все намъ держать.

Въ Новгородъ прибылъ великокняжескій посолъ князь Иванъ Патрикѣевъ.

Онъ созвалъ бояръ на совѣщаніе, но уже въ Ярославовы палаты... Вѣче больше не существовало. Началась присяга московскому государю, причемъ присягали и всѣ замужнія женщины.

Бояре и дѣти боярскія были перечислены на службу государю Ивану III Васильевичу.

20-января 1478 года въ Москву была отправлена грамота, что Новгородъ покорился и призналъ власть великаго князя.

Князья Иванъ и Ярославъ Стрига-Оболенскіе были назначены намѣстниками и поселились на Ярославовомъ дворѣ.

Отъ перваго Рюрика до Рюрика стоявшее вѣче было уничтожено, а вѣчевой колоколъ отправили въ Москву. Неизвѣстно, гдѣ его повѣсили, но увѣряютъ, что онъ звонитъ до сихъ поръ, вызывая въ сердцахъ мысли о вольности и народоправной свободѣ...

Во время московской смуты и междуцарствія новгородцы пытались вернуть утраченную вольность. Въ Москвѣ было два царя—Дмитрій Самозванецъ и князь Василій Шуйскій, котораго „разстригли“ и отправили въ Польшу, по словамъ лѣтописи псковской. Тамъ онъ и умеръ. А въ Новгородѣ и Псковѣ царило „развращеніе“. Меньшіе возставали на старшихъ, а старшіе на меньшихъ, и „тако бысть къ погибели всѣмъ“.

Хотѣли объявить Новгородъ самостоятельнымъ и воскресить вѣче.

Но духъ новгородской вольности угасалъ. Партія сытыхъ, обезпеченныхъ людей не хотѣла перемѣнъ.

— Можете вы развѣ устоять противъ Литовскаго или Московскаго царства?—говорили они.

Одни цѣловали крестъ польскому королю, другіе московскому самозванцу, Лжедмитрію II.

Псковичи отказались присягать королевичу, и Новгородъ пошелъ на нихъ войной.

Священники и бояре составили заговоръ на простой народъ, а „мелкіе люди, видя свою гибель, ужасошеся“. Они зазвонили въ колокола, собрался народъ, боярамъ не дали

стрѣлять, кое-какъ сговорились и безъ пролитія крови разошлись.

Бояре были безповоротно преданы Москвѣ, силѣ ея оружія, и пожертвовали интересами чернаго народа ради своихъ выгодъ. Московская власть давала имъ право притѣснять, угнетать простой народъ, и они это понимали.

Они видѣли, что московскіе цари правятъ самодержавно, а не властью народа. И самодержавіе это распространялось на ближайшихъ слугъ царскихъ и на намѣстниковъ царя.

Поэтому они враждебно относились къ попыткамъ воскресить народоправство.

Постепенно черныхъ людей закрѣпощали... Мастеровые люди начали даромъ работать на намѣстника и бояръ и всѣ вмѣстѣ обирали крестьянъ.

Но во время междуцарствія вмѣшались донскіе казаки, недовольные, что Псковъ присягнулъ Москвѣ.

Они пошли на Псковъ, сожгли храмъ Богородицы и слободу Завеличь, а Псковъ раздѣлился: мелкіе люди и поселяне стояли за Москву, бояре за Новгородъ. Чтобы не было измѣны, псковичи отняли у литовскихъ сторонниковъ коней и оружіе, а ихъ женъ и дѣтей сдѣлали заложниками.

Потомъ чернь набросилась на сторонниковъ вольности, жгла ихъ дома, грабила и убивала...

Это была послѣдняя вспышка разсѣянной новгородской вольности...

Въ Россіи воцарились Романовы, и Новгородъ, первый стольный городъ Россіи, призвавшій Рюрика, создавшій вѣче и міровую торговлю Россіи, превратился въ обнищалую, захудалую русскую провинцію. Снявъ съ него вольность, Москва не замедлила снять съ него и послѣднюю рубашку...

И теперь тихо спитъ Новгородъ на берегахъ бѣлаго Волхова, весь обвѣянный грезами о старинной вольности, о подвигахъ своихъ молодцовъ-ушкуйниковъ и о самоволіи „мужиковъ-вѣчниковъ“, раздавленномъ сильной московской пятою...

Издательство „ВОЛЯ"

Москва, Большая Дмитровка, 26.

К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. Коммунистическій манифестъ . . . . . — р. 30 к.
Что такое всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право . . — „ 30 „
Чего хотятъ соціал.-революціон. . . (Программа партіи с.-р.) . . . . . — „ 30 „
Чего хотятъ соціалъ-демократы . . (Программа партіи с.-д.) . . . . . — „ 15 „
Н. Новиковъ. Политическій катехизисъ свободнаго русскаго народа . . . — „ 25 „
Б. А. Плюснинъ. Что такое соціализмъ — „ 30 „
Б. Кронинъ. Чему учитъ насъ русская революція . . . . . — „ 25 „
Поль Луи. Пролетаріатъ и государственный строй . . . . . — „ 30 „
Проф. Рейхесбергъ. Соціализмъ и анархизмъ . . . . . — „ 30 „
П. Лафаргъ. Историческій идеализмъ и матеріализмъ . . . . . — „ 30 „
А. Гурьевъ. Либерализмъ и соціализмъ . . . . . — „ 25 „
Его-же. Утопія большевиковъ . . . . — „ 25 „
Л. Андреевъ. Гибель (Что ждетъ Россію) . . . . . — „ 20 „
Н. Новиковъ. Свобода гражданъ и дисциплина республиканской арміи . — „ 30 „
Б. Кронинъ. Какъ поступить съ землей (Земля—народу) . . . . . — „ 25 „
Л. Н. Толстой. Безсмысленныя мечтанія — „ 20 „
І. А. Ртищевъ. Царь не отъ Бога (Правда, украденная попами) . . . — „ 25 „
Его-же. Кто изъ насъ буржуй . . . . — „ 30 „

М. Гу — въ. Почему дорожаетъ жизнь — р. 30 к.
Его-же. Другъ народа гражданинъ А. Ѳ. Керенскій. Слова и дѣла . . — „ 40 „
Марія Евгеньева. Новгородское вѣче (Изъ исторіи русск. народоправства) — „ 40 „
Ея-же. Якобинскій клубъ . . . . . — „ 40 „
Л. Андреевъ и др. Монархія или республика? . . . . . — „ 25 „
Н. Аскольдовъ. Правда о Николаѣ Романовѣ . . . . . — „ 25 „
Ал. Демидовъ. Измѣнники Россіи . — „ 25 „
О. Сперанскій. За кулисами русскаго двора . . . . . — „ 25 „
П. Ковалевскій. Гришка Распутинъ . . — „ 25 „
Дни революціи (Памятка народу) . . — „ 30 „
И. Нерадовъ. Красный адмиралъ (Разсказъ-быль изъ революціи 1905 г.) — „ 25 „
Его-же. Король-провокаторовъ. Разсказъ . . . . . — „ 25 „
Его-же. Синіе палачи (жандармы) . . — „ 25 „
Марія Евгеньева. Джузеппе Гарибальди . . . . . — „ 30 „
Ея-же. Борьба за землю . . . . . — „ 30 „
Роза Розоцвѣтова. Какъ царь Никола лишился престола (сказка въ стихахъ) — „ 15 „
В. Каратыгинъ. Про царя и про царицу и про честную вдовицу (сказка въ стихахъ) . . . . . — „ 20 „
Гр. Гай. Сказка про Кольку-Кабатчика, Прошку-Меньшевика и Прошку-Большевика . . . . . — „ 25 „
Марія Евгеньева. Господа Романовы (Исторія династіи) . . . . . 1 „ 50 „
Ея-же. Романъ цесаревича. Большой романъ изъ жизни Николая II. . . 3 „ 75 „
П. Ордынскій. Кровавый тронъ. Романъ . 3 „ — „
А. Островцовъ. Послѣдніе могикане стараго строя . . . . . 1 „ — „

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Штернъ. Государство будущаго.
Либкнехтъ. Отецъ соц.-дем. (Воспоминанія о Карлѣ Марксѣ).
Нерадовъ. Царскіе застѣнки.
„ Тайны черной сотни.
„ Революціонерка-страдалица.
Гидальго. Какъ Николай Второй управлялъ страной (въ стихахъ).
Марія Евгеньева. Любовники Екатерины.
Ея-же. Духовенство. Повѣсть.
Арбенинъ. Черный старецъ. Романъ.
„ Тайны чернаго автомобиля.
Г. Батревъ. Тайна Михайловскаго замка (Павелъ Задушенный).

Съ требованіями обращаться: Москва, Издательство „ВОЛЯ" Б. Дмитровка, 26.

Книги высылаются съ наложеннымъ платежомъ только по полученіи $^1/_3$ стоимости заказа.— Выписывающіе на 3 руб. и болѣе за пересылку не платятъ.

Цѣна 40 коп.